

18+

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

Банк доброго государства

Сергей Старики

Полоса отчуждения

«Автор»

2026

Стариди С.

Полоса отчуждения / С. Стариди — «Автор», 2026 — (Банк
доброе государство)

Капитан полиции Глеб Савельев давно привык к грязному снегу, ночным вызовам и чужому молчанию. Но очередная ориентировка по линии Банка доброго государства превращает обычное задержание в дорогу, с которой уже нельзя свернуть. Беглый инженер Алексей Лунёв знает, что цифровые колумбарии Банка не просто хранят мёртвых. Они разбирают их на полезные части: голос, страх, доверие, память, боль. И у него есть список, способный доказать это. За Лунёвым идут все: Банк, старое государство, заражённое его обязательствами, и Марат — человек, который убивает из милосердия, потому что верит: смерть ещё может быть спасением. Но в мире Банка даже смерть больше не выход. «Полоса отчуждения» — мрачная повесть из цикла «Банк доброго государства» о долге, памяти, цифровом бессмертии и человеке, который не победил систему, но отказался молчать. Текст содержит сцены насилия, смерти, психологического давления и мрачные темы, связанные с посмертной цифровизацией личности.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Грязный снег	5
Ч	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Полоса отчуждения

Часть I. Грязный снег

Женщина сидела на кухне прямо, как в очереди к терапевту.

Не плакала, не причитала, не хваталась за грудь. Просто сидела на табурете у стола, держала в руках кухонное полотенце и время от времени прикладывала его к нижней губе. Полотенце было вафельное, с выцветшими клубниками по краю. Кровь на нём казалась слишком яркой для этой кухни — почти неприличной.

Всё остальное здесь давно сдалось.

Клеёнка на столе пошла пузырями возле конфорки. На подоконнике стояла пластиковая банка из-под майонеза с луковицами в мутной воде. Холодильник гудел так, будто внутри него кто-то маленький и злой пилил металл. Над раковиной висела сушилка с тремя чашками, у двух были отбиты ручки.

На стене, рядом с календарём за прошлый год, висела старая электронная фоторамка. Экран у неё мигал, иногда уходил в зелёную рябь, но всё ещё упрямо показывал одну и ту же семейную фотографию.

Вера Семёновна лет на двадцать моложе. Рядом — полный мужчина с усами. Между ними — мальчишка в школьной рубашке, серьёзный и круглолицый. Тот самый мальчишка вырос, расплылся, пропил здоровье на дешёвом алкоголе и сейчас лежал в комнате на диване, делая вид, что спит.

У батареи стояли маленькие зимние ботинки. Один — ровно, второй завалился набок, как будто ребёнок выдернул ногу на бегу. Под фоторамкой, на крючке, болталась детская куртка с отражающими полосками. На спинке стула лежала небулайзерная маска в прозрачном пакете — детская, с треснувшим синим креплением.

Глеб уже знал эту схему, хотя в квартиру вошёл семь минут назад.

Бабушка, взрослый непутёвый сын и его мальчишка, которого все называли «наш Кирюша», когда надо было вызвать жалость, и «твой ребёнок», когда нужно было переложить ответственность. Мать Кирилла, судя по обрывкам разговора в прихожей, давно жила отдельно и забирала сына только по выходным. Остальные дни ребёнок кочевал между садиком, этой кухней и диваном, на котором сейчас отсыпался его отец.

Отец был нужен системе.

Без него не сходилась семейный профиль. Без его регистрации не продлевался детский медицинский контур. Без биометрического согласия Веры Семёновны не проходило очередное «домашнее подтверждение». Без контура Кириллу оставались районная очередь, дешёвые аналоги и бабушкины компрессы, которыми уже никого не лечили, но всё ещё пытались успокаивать совесть.

А на столе, возле сахарницы, моргал экран старого телефона.

Глеб Савельев посмотрел на экран не сразу. Сначала на женщину.

Лет шестьдесят пять. Может, меньше. В таких квартирах возраст наступал раньше паспорта. Седые волосы собраны резинкой, халат застёгнут не на те пуговицы, правая щека красная, губа рассечена изнутри. Не смертельно. Даже на экспертизу, если честно, скучно. Сотрясения, скорее всего, нет. Зубы целы. Синяк будет красивый, жёлто-фиолетовый, как дешёвая пасхальная краска.

— Ещё раз, Вера Семёновна, — сказал участковый у стены. — Вы заявление писать будете?

Участковый был молодой только по документам. Лицо уже приобрело то выражение, которое в отделе появлялось у всех к тридцати: как будто человек постоянно слушает чужую

неправду и заранее знает, чем она закончится. Звали его Сёмин. Или Сёмкин. Глеб третью ночь путал.

Женщина отняла полотенце от губы.

— Не буду.

— Он вас ударил?

— Я сама.

Сёмин устало посмотрел на Глеба. Глеб не ответил. Он стоял у двери, не снимая куртки. С неё капала вода — снег на улице был мокрый, тяжёлый, лип к плечам, а в подъезде от тепла сразу превращался в грязные капли.

Из комнаты доносилось сиплое дыхание Вадима, её сына. Не спал. Делал вид. На полу возле дивана стояли ботинки, не расшнурованные, с комьями грязи на подошвах. На низком столике — пустая банка энергетика, детский сироп от кашля и открытая пачка дешёвых сигарет. В комнате пахло перегаром, кошачьим лотком, влажной одеждой и чем-то сладким, аптечным.

— Вера Семёновна, — повторил Сёмин, уже без всякого интереса. — Соседи слышали крик. На полотенце кровь. У вас повреждения. Сын в состоянии опьянения. Вы понимаете, что без заявления мы...

— Не буду я писать.

Голос у неё был ровный. Не упрямый даже. Решённый.

Глеб наконец посмотрел на телефон.

На потрескавшемся экране висело уведомление от приложения Банка доброго государства. Белый фон, золотой орёл, мягкий текст. Даже на старом дисплее оно выглядело чисто, как чужая зубная эмаль.

Ваша семья переживает временный период эмоциональной нестабильности.

Для сохранения медицинского контура несовершеннолетнего Кирилла доступно продление продукта «Домашнее согласие».

Требуется биометрическое подтверждение старшего члена семьи.

Ниже мигала кнопка:

Подтвердить заботу.

Уголок губы у Глеба едва дёрнулся.

— Из-за этого?

Женщина быстро перевернула телефон экраном вниз.

Очень быстро. Для пожилой — даже резко.

— Не ваше дело.

Из комнаты сын хрипло сказал:

— Мам, не начинай.

Глеб повернул голову.

— Ты там лежи. А то начнёшь — я закончу.

Вадим затих. Ему было около сорока. Толстая шея, короткая стрижка, серая футболка с пятном на животе. На вид обычный. Такие били не потому, что были особенно злыми. Они били потому, что рядом был кто-то слабее, а день не сложился.

Но на секунду Глеб всё же увидел в нём не только пьяную злость.

Увидел испуг.

Тот самый, крысиный, липкий испуг человека, который уже понял, что без подписи матери завтра у ребёнка отвалится медицинский контур, а платить самому нечем. И от этого понимания не стал человеком лучше. Не сел рядом, не попросил, не заплакал, не признал вину. Просто сорвался на ту, кто никуда не денется.

Сёмин достал планшет, ткнул пальцем в форму.

— Значит, с ваших слов: упала на кухне, ударилась о край стола.

— Да.

— От медицинского освидетельствования отказываетесь.

— Отказываюсь.

— Претензий к сыну не имеете.

Женщина помолчала.

На фоторамке за её спиной семейная фотография на секунду зависла, рассыпалась квадратиками и снова собралась. Молодая Вера Семёновна улыбалась оттуда так, будто ещё не знала ни про контуры, ни про рейтинги, ни про кнопки, которые называются заботой.

Из соседней квартиры за стеной что-то негромко скрипнуло. Там сразу выключили звук телевизора, будто от этого переставали существовать.

— Не имею, — сказала она.

Глеб посмотрел на стену. Обои в углу отошли пластами, под ними темнела сырость. За этой стеной соседи слышали всё. Сначала крик. Потом удар. Потом то короткое, страшное молчание, после которого обычно кто-нибудь всё-таки вызывает полицию — не из сострадания, а потому что шум мешает спать.

Когда Глеб вышел на лестничную площадку покурить, дверь соседней квартиры оказалась приоткрыта на цепочке. В щели блеснул глаз.

— Вызывали? — спросил Глеб.

Глаз моргнул.

— Нет.

— А слышали?

— Нет.

— А глаз у вас, значит, сам по себе смотрит.

Дверь закрылась. Цепочка звякнула тонко и испуганно.

Глеб вернулся на кухню. Сёмин уже заполнял отказ. Аккуратно, мёртво, как положено. Женщина подписала, не читая. Пальцы у неё были сухие, с воспалёнными суставами. Когда она взяла ручку, на манжете халата остался розовый след. Кровь полотенце не оттерло до конца.

— Если он ещё раз... — начал Сёмин.

— Не надо, — сказала она.

Сёмин замолчал. Он тоже знал: будет ещё раз. Может, через неделю. Может, завтра. А утром материал уйдёт вверх, вернётся вниз, получит стандартную формулировку, потом растворится в статистике.

Банк свой контур продлит.

Кирилл получит ещё месяц лечения. Вадим получит право считать себя кормильцем. Вера Семёновна получит новый синяк и старую причину молчать.

На выходе Глеб задержался у двери комнаты.

Вадим на диване повернул голову. Глаза мутные, красные, злые от унижения.

— Чего? — спросил он.

Глеб посмотрел на него долго. Рука сама хотела сжаться. Старое желание, вредное. Простое.

— Ничего, — сказал Глеб. — Спи, семьянин.

На улице снег валил косо.

Не белый — серый. Его сразу месили шины, ботинки, дворники, реагенты. У подъезда стояла лужа, в которой отражался золотой банковский терминал у продуктового магазина напротив. Орёл на вывеске держал в лапах серверную стойку и монету. Под ним горели слова:

Забота доступна каждому.

Сёмин поднял воротник.

— Смысл был ехать? — сказал он.

Глеб закурил, прикрывая огонь ладонью. Зажигалка сработала со второго раза.

— Ты философию в академии не добрал?

— Да просто... — Сёмин махнул рукой в сторону подъезда. — Всё равно же.

— Всё равно, — согласился Глеб.

Сёмин посмотрел на него, будто ждал продолжения. Продолжения не было.

Они дошли до машин. Участковый сел в свою белую «Ладу» с синими полосами, хлопнул дверью и почти сразу уехал, подняв из-под колёс мокрую кашу.

Глеб остался один.

Его внедорожник стоял чуть дальше, под топодем, который давно надо было спилить. Старый служебный зверь с треснутым бампером, замятым крылом и грязью до стёкол. Когда-то его закупали как усиленную машину для выездов в частный сектор. Потом списывали, передумывали, снова ставили на баланс, меняли двигатель, снимали нормальную связь, возвращали, клеили инвентарный номер поверх ржавчины. Машина пережила три реформы, двух начальников отдела и одного замминистра.

Глеб сел внутрь и не сразу завёл двигатель.

В салоне пахло мокрой курткой, табаком, старым пластиком и бензином. Где-то под ковриком снова собиралась вода. На пассажирском сиденье лежал остывший бумажный стакан с кофе. Кофе был из автомата в отделе — кислый, густой, с привкусом железа. Глеб открутил маленькую плоскую фляжку и плеснул туда коньяка.

Коньяк был плохой. Такой не согревал. Он просто сообщал организму, что хозяин пока не готов обсуждать условия капитуляции.

Глеб сделал глоток.

Рука чуть дрогнула. Несильно. Почти незаметно. Он посмотрел на пальцы с никотиновыми пятнами и сжал стакан крепче.

— Нормально, — сказал он вслух.

Никто не ответил.

Дворники пошли по стеклу. Раз. Два. Три. Они не очищали — размазывали. Грязный снег превращался в мутные дуги, фары встречных машин расплзались жёлтыми пятнами. Мир за стеклом не становился виднее. Просто грязь распределялась ровнее.

Глеб откинулся на спинку и закрыл глаза.

Спать хотелось так, что болели зубы.

Не лечь, не отдохнуть, не отключиться на десять минут, а именно провалиться куда-нибудь без сновидений, без раций, без квартир, без женщин с разбитыми губами, без сыновей на диванах, без детских курток на кухонных крючках, без золотых орлов на экранах. Просто перестать держать себя вертикально.

Рация щёлкнула.

Глеб не открыл глаз.

Сначала прошёл треск, потом голос дежурного. Хриплый, недовольный, настоящий.

— Всем экипажам в квадрате семь-два. Ориентировка по линии Банка. Мужчина, сорок два года, Лунёв Алексей Викторович. Рост сто семьдесят восемь, телосложение среднее, куртка тёмная, возможно повреждение шейного порта. Предположительно вооружён. Особо опасен.

Глеб открыл один глаз.

Дежурный кашлянул и продолжил уже менее охотно, будто читал не своё:

— Имеет при себе собственность Банка доброго государства. При обнаружении не предпринимать самостоятельных действий. Задержать визуально, обеспечить периметр, ожидать уполномоченную группу сопровождения.

Глеб взял сигарету из пачки губами, не руками. Закурил. Дым пошёл в горло тяжело, почти больно.

— Конечно, — сказал он. — Визуально задержать.

Рация снова щёлкнула.

— Савельев, ты рядом там?

Глеб посмотрел на навигатор. Последняя точка мигала у промзоны за железной дорогой. Гаражный кооператив «Луч-3». Семь минут, если не встрять у переезда. Пять, если ехать через старую заправку.

Он мог не услышать. Мог сказать, что занят оформлением. Мог дожидаться группы Банка. Так было бы правильно. Тихо. Без лишней ночной самодеятельности.

Он сделал ещё один глоток кофе с коньяком, поморщился и поставил стакан в держатель. Рация ждала.

Глеб нажал кнопку.

— Принял.

Он сказал это так же, как говорил всю жизнь. Без мысли. Без решения. Просто потому, что на той стороне ждали ответа.

На экране навигатора гаражный кооператив мигнул ещё раз.

Совсем рядом.

Глеб не поехал к гаражам потому, что хотел кого-то спасти.

Спасать в половине третьего ночи обычно было уже поздно. К этому времени люди либо сами успевали испортить себе жизнь, либо за них это делали родственники, начальство, кредиты, алкоголь, случайные свидетели и добрые государственные сервисы. Полиция приезжала потом. Посмотреть, подписать, отразить в материалах.

Глеб поехал, потому что возвращаться в отдел не хотелось.

Там сейчас пахло бы мокрыми бушлатами, перегретым кулером и чужой раздражённой. Дежурный начальник спросил бы, почему бытовуха снова без заявления. Сёмин стал бы объяснять. Потом кто-нибудь вспомнил бы про отчёт по семейным инцидентам, где требовалось не количество правды, а количество заполненных полей. Потом Глебу предложили бы сдать рапорт по старому делу, которое давно растворилось в истории, но продолжало требовать бумаги.

Гаражи были честнее.

Если в них что-то гнило, оно хотя бы гнило без методички.

Он свернул с основной дороги у бывшей заправки, где теперь стоял круглосуточный терминал Банка. Старые колонки ещё торчали под навесом, как выбитые зубы, но бензин здесь не продавали лет пять. Зато в ярко освещённом тамбуре можно было продлить кредит, оформить посмертный тариф, подтвердить медицинский контур и получить консультацию по «ответственному семейному планированию задолженности».

На двери терминала висела наклейка:

Работаем, пока вы живы.

И после.

Глеб хмыкнул и проехал мимо.

Дальше асфальт кончился почти сразу. Колёса вошли в кашу из снега, песка и старого масла. Внедорожник качнуло, под днищем что-то глухо ударило. Глеб сбросил скорость. Фары выхватили бетонный забор, увенчанный колючей проволокой, облезлую табличку ГСК «Луч-3» и перекошенные железные ворота, одна створка которых была привязана к столбу тросом.

Гаражный кооператив жил ночной жизнью.

В таких местах всегда кто-то не спал. Кто-то пил. Кто-то разбирали чужую машину по запчастям. Кто-то грелся у буржуйки, потому что дома его давно не ждали. Кто-то хранил здесь то, что не хотел хранить в квартире: резину, старый холодильник, память о разводе, незарегистрированный карабин, украденные аккумуляторы, второй комплект документов и чувство собственного достоинства.

Собаки залаяли ещё до того, как Глеб въехал внутрь.

Сначала одна, хриплая. Потом сразу несколько. Лай пошёл по рядам, отражаясь от железных ворот, как плохая связь по рации. Фары скользнули по мокрым стенам гаражей, по снегу с чёрными потёками, по куче старых шин, наполовину ушедших в ледяную жижу. Где-то за воротами стукнуло железо. Из трубы самодельной печки валил дым, пахнувший резиной и сырими досками.

Глеб остановился у будки охраны.

Будка была тёмная. На окне — слой копоти и наклейка десятилетней давности: **Въезд только для членов ГСК**. Под козырьком болталась камера. Объектив у неё был выбит, провод висел наружу. Рядом, на табурете, стояла пластиковая банка: окурки в ней вмёрзли в мутный ледяной стакан.

Сторожа не было.

Или был, но разумно решил, что за пятнадцать тысяч рублей в месяц можно не знакомиться с ночными проблемами лично.

Глеб взял фонарь, проверил пистолет и вышел из машины.

Снег сразу полез за воротник. Небо было низким, серым, без звёзд. Мокрые хлопья падали косо, садились на ресницы и тут же таяли. Под ногами хлюпало. Вода в колеях была тёмная, с радужной масляной плёнкой. В ней отражались фары внедорожника и редкие жёлтые лампы над гаражами. От этого казалось, что земля снизу тоже чем-то больна и светится изнутри.

Пахло бензином, железом, гнилью и дешёвым табаком.

Ещё пахло мокрой собакой, перегретой проводкой, старым тосолом и человеческой попыткой продлить жизнь вещам, которые давно надо было выбросить.

Глеб медленно пошёл вдоль ряда.

— Лунёв! — крикнул он.

Лай стал громче.

— Полиция. Выходи сам. Ночь длинная, терпение короткое.

Ответа не было.

Он остановился и прислушался.

Где-то гудела трансформаторная будка — низко, ровно, с такой усталой уверенностью, будто она гудела ещё до рождения Глеба и собиралась гудеть после его смерти. Из дальнего гаража слышался радиоприёмник. Очень тихо. Старый шансон или реклама, разобрать было невозможно. За железной дверью кто-то кашлянул и сразу затих.

Глеб поднял фонарь.

На снегу были следы.

Свежие. Один человек. Шёл неровно, цеплял правой ногой. Следы вели между гаражами, к дальнему ряду, где лампы уже не работали. Там начиналась территория настоящегохлама: разобранные кузова, ржавые ворота без номеров, провалившиеся крыши, прицеп с надписью **ХЛЕБ**, хотя хлеба в нём, наверное, не было с прошлого века.

Глеб пошёл по следам.

Он не торопился. В таких местах торопиться было глупо. Торопятся те, кто верит, что успеет первым. Глеб давно знал: если тебя хотят ударить из темноты, ты всё равно узнаешь об этом вторым.

Фонарь выхватил на снегу тёмные пятна. Не кровь. Масло. Хотя ночью всё сначала казалось кровью.

Следы уходили к гаражу с полуоторванной вывеской **Шиномонтаж 24**. Разумеется, никакого двадцать четыре здесь давно не было. Роллеты сорваны, боковая дверь приоткрыта, из щели тянуло холодом и запахом сырого металла.

Глеб остановился у двери.

— Лунёв Алексей Викторович, — сказал он уже тише. — Я сейчас войду. Дёрнешься — уронишь себе настроение окончательно.

Тишина.

Потом внутри что-то скребнуло.

Глеб толкнул дверь ногой и вошёл.

Помещение было маленькое, низкое, с бетонным полом. В углу стоял старый шиномонтажный станок, похожий на стоматологическое кресло для грузовиков. На стене висели ключи, большинство отсутствовало, но их тени остались в пыли. В железной бочке тлели угли. Тепла от них почти не было, только запах мокрой золы.

Посреди помещения стояла полуразобранная «Волга» — из тех машин, которые даже после смерти продолжали занимать место с упрямством бывшего начальника. Капот снят, салон выпотрошен, переднее колесо отсутствует, под брюхом чернела открытая техническая яма.

Из ямы пахло землёй, маслом и страхом.

Глеб направил фонарь вниз.

Человек лежал там боком, между стенкой ямы и старым карданным валом. Лицо серое. Волосы мокрые, прилипли ко лбу. Губы потрескались. На щеке грязь, похожая на сажу. Куртка тёмная, дорогая когда-то, теперь испачканная так, что уже не имела цены. Обе руки он прижимал к груди. В руках был небольшой герметичный контейнер — матовый, серый, с чёрной прорезиненной кромкой.

На шее у человека, чуть ниже уха, темнело пятно. Кожа вокруг была раздражённая, будто её недавно сдирали вместе с пластырем. Под воротником виднелся край повреждённого порта: тонкое металлическое кольцо, вросшее в кожу. От него вниз уходила подсохшая кровавая дорожка.

Глеб посветил ему в глаза.

Человек зажмурился и попытался отползти. Получилось жалко. Он упёрся плечом в стену ямы и зашипел от боли.

— Лунёв? — спросил Глеб.

Тот молчал.

— Алексей Викторович, не заставляй меня угадывать. Я после двух часов ночи плохо переношу викторины.

Человек открыл глаза.

В них не было обычного страха задержанного. Не было злости, наглости, расчёта. Было что-то хуже — иступлённая, почти детская уверенность, что самое страшное уже идёт и полиция в этой истории просто мелкая задержка.

— Вы один? — спросил он.

Голос у него был сорван. Не охрипший даже, а высохший.

— Пока да.

— Вызывали?

— Кого?

Лунёв сглотнул. Горло у него дёрнулось, как у больной птицы.

— Их.

— Если ты про Банк, то ты у нас популярный мужчина. Тебя по всем каналам передали.

Лунёв судорожно прижал контейнер к груди.

— Не передавайте меня уполномоченному представителю.

Глеб поморщился.

— Началось.

— Вы не понимаете.

— Обычно с этого и начинают.

— Капитан, вы не понимаете, — повторил Лунёв, уже быстрее. — Если меня передадут группе сопровождения, меня не повезут в отдел. Меня даже не будут оформлять. Они поставят мобильную оцифровку прямо в машине. Или в пункте. Или здесь, если уже близко. Им не нужен протокол.

Глеб присел на корточки у края ямы. Колено неприятно кольнуло. Старое. Больное. Дурацкое.

— А мне нужен, — сказал он. — Поэтому ты сейчас медленно встаёшь, кладёшь свою коробочку на пол и поднимаешь руки.

Лунёв покачал головой.

— Нет.

— Это не вопрос.

— Лучше пристрелите.

Глеб посмотрел на него.

— Что?

Лунёв облизнул потрескавшиеся губы.

— Только не вызывайте Банк. Лучше пристрелите.

В бочке тихо щёлкнул уголёк.

Глеб выдохнул через нос.

— Слушай, Алексей Викторович. Я за ночь уже видел семейный кредит, разбитую губу и человека, который пытался лечить свою совесть детским сиропом от кашля. Давай ты не будешь мне сейчас продавать корпоративную мистику с суицидальным уклоном.

— Это не мистика.

— Конечно. У вас там всё не мистика. У вас всё продукт, тариф и пользовательское соглашение.

Лунёв вдруг резко поднялся на локте.

— Они не убьют меня.

Глеб устало моргнул.

— Ты только что попросил, чтобы я это сделал. Определись.

— Смерть — это не худшее, — сказал Лунёв.

Он говорил слишком серьёзно. Без позы. Без театра. И от этого становилось неприятно.

— Угу, — сказал Глеб. — Сейчас пойдут сервера, вечность и адская бухгалтерия.

Лунёв посмотрел на него так, будто Глеб случайно угадал не шутку, а диагноз.

— Да.

Глеб замолчал.

Снаружи снова залаяли собаки.

Не как раньше, беспорядочно и лениво. Теперь лай пошёл короткими очередями, с одного конца ряда к другому. Собаки не спорили между собой. Они передавали что-то.

Глеб повернул голову к двери.

За стеной прокатился низкий звук двигателя. Не громкий. Плотный. Тяжёлый. Такая машина не газовала, не рвалась, не искала дорогу. Она просто ехала туда, куда решила.

Лунёв перестал дышать.

Глеб услышал это раньше, чем понял.

— Кто? — спросил он.

Лунёв не ответил. Только медленно, почти беззвучно сполз обратно в яму, прижимая контейнер к груди.

Двигатель снаружи заглох.

Собаки замолчали.

Это было хуже лая.

Глеб поднялся. Вытащил пистолет, но не направил куда конкретно. Просто опустил руку вдоль бедра и посмотрел на дверь.

За дверью хрустнул снег.

Один шаг.

Потом второй.

Неторопливый. Тяжёлый. Без суеты.

Кто-то остановился снаружи, под тусклой лампой у входа.

Глеб увидел через грязное стекло силуэт человека.

Без формы. Без мигалки. Без спешки.

Просто человек в тёмной зимней куртке, стоящий посреди мокрого снега так спокойно, будто он пришёл не за беглецом, а домой.

Человек за стеклом не двигался.

Просто стоял под жёлтой лампой у входа, пока мокрый снег садился ему на плечи и таял на тёмной куртке. Лицо было плохо видно: стекло в двери заросло грязью, копотью и старыми следами пальцев. Только силуэт. Широкие плечи. Опущенные руки. Голова чуть наклонена, будто он не прислушивался, а вспоминал.

Глеб держал пистолет вдоль бедра.

Не направлял. Пока.

— Твой? — спросил он, не оборачиваясь.

Из ямы ответили не сразу.

Лунёв дышал мелко, часто, как загнанная собака под машиной. Потом сказал так тихо, что Глеб едва слышал:

— Хуже.

Человек за дверью поднял руку и постучал.

Не кулаком. Костяшками пальцев.

Три раза.

Вежливо.

Глеб даже не сразу понял, почему от этого стало неприятнее, чем если бы снаружи начали ломать дверь. В ночных гаражах, после ориентировки Банка, люди обычно не стучали. Они орали, стреляли, матерились, требовали открыть, били ногой в железо. Этот стоял под лампой и ждал, как будто пришёл к больному.

— Алексей Викторович, — сказал он снаружи.

Голос был глухой, низкий, но не громкий. Через дверь он прошёл почти мягко.

Лунёв в яме зажал рот ладонью.

Глеб поднял пистолет.

— Полиция, — сказал он. — Стоять на месте. Руки так, чтобы я видел.

Человек послушно поднял руки.

Медленно. Без демонстрации, без насмешки. Ладони пустые. Перчаток не было. На костяшках темнели старые шрамы, а по пальцам стекала талая вода.

— Капитан Савельев, — сказал человек. — Я не за вами.

Глеб прищурился.

— А я тебе не представлялся.

— Вас не нужно представлять.

— Вот как.

— Отойдите от него, пожалуйста.

Слово «пожалуйста» прозвучало без издёвки. И от этого Глебу захотелось выругаться. Люди, которые ночью приходили убивать, не должны были быть вежливыми. Это нарушало порядок вещей. Даже в таком мире.

— Назовись, — сказал Глеб.

Человек помолчал.

— Марат.

Из ямы донеслось короткое, сорванное:

— Нет.

Глеб покосился вниз.

— Мнение зала учтём позже.

Марат не шевельнулся.

— Алексей Викторович, — сказал он, глядя не на Глеба, а куда-то сквозь стекло, туда, где под разобранной машиной темнела яма. — Вы должны были уйти дальше.

Из ямы не донеслось ни слова.

— Вы не дойдёте до Резцовой, — продолжил Марат. — Вас перехватят на выезде. Или раньше. Здесь уже подняли сектор.

Глеб открыл дверь ногой.

Петли взвизгнули. В помещение вошёл холод, снег и запах выхлопа. Марат стоял в двух шагах от порога. Не в броне. Не в форме. Без шлема, без нашивок, без корпоративного знака. Тёмная зимняя куртка, тяжёлые ботинки, влажное лицо, короткие волосы, на ресницах — снег.

На вид — человек.

Именно это было хуже всего.

Он тяжело дышал. Не от бега. Скорее так дышали после боли, к которой уже привыкли, но тело всё равно не простило. На правой щеке у него белел старый рубец. Глаза были красные, воспалённые, но взгляд не бешеный. Глеб много раз видел людей перед дракой, перед задержанием, перед поножовщиной. В их глазах обычно жили злость, страх, алкоголь, дурь, пустота.

У Марата в глазах было не бешенство, а просьба.

Он смотрел мимо Глеба, на Лунёва, и жалел его так открыто, что Глебу стало почти стыдно за собственный пистолет.

Почти.

— Руки выше, — сказал Глеб. — И на снег. Лицом вниз.

Марат перевёл взгляд на него.

— Нельзя.

— Я не спрашивал, как у вас в Банке принято.

— Я больше не спрашиваю у них разрешения.

— Тогда начни с простого. Ляг.

Марат чуть опустил подбородок. Не согласие. Скорее сожаление.

— Если его вернут живым, его не посадят. Его не допросят. Его не будут судить. Он уже не человек для них. Он ключ. Остаток. Доступ к тому, что нельзя было выносить.

— Отлично, — сказал Глеб. — Значит, у нас будет о чём поговорить в отделе.

— Он не попадёт в отдел.

— У тебя с Лунёвым одна методичка?

— Нет, — сказал Марат. — У него ещё есть последняя надежда.

Лунёв зашевелился в яме.

— Заткнитесь, — выдохнул он. — Заткнитесь, пожалуйста.

Марат не повысил голос.

— Алексей Викторович, вы знаете, что будет. Сначала мобильная оцифровка. Они не станут ждать стабилизации. Снимут сырой слепок, пока ткани ещё отвечают. Потом контур. Потом разбор. Вы сами строили эти этажи.

— Молчи, — прошептал Лунёв.

— Вас не будут хранить. Вас будут использовать.

Глеб почувствовал, как пальцы плотнее легли на рукоять пистолета.

— Хватит, — сказал он. — Следующая фраза — лёжа.

Марат посмотрел на него спокойно. Слишком спокойно.

— Капитан, вы думаете, я хочу его убить.

— А ты пришёл предложить подписку?

— Я хочу, чтобы он закончился.

Глеб выдохнул через нос.

— Богатый выбор.

— В вашем мире это ещё называется смертью, — сказал Марат. — В их мире смерть уже не гарантирует ничего. Но если разрушить порт до захвата, если не дать им снять полный остаток, шанс есть.

— Шанс на что?

— На темноту.

Снег залетал в открытую дверь и таял на бетонном полу.

Глеб слушал и всё больше злился. Не потому что не верил. Верил он или нет — было рано решать. Но такие люди, как Марат, были опаснее обычных психов. Обычный псих слышал голоса, боялся чипов в зубах или требовал вызвать президента. А этот говорил тихо, точно, с болью, и каждое его слово было похоже не на бред, а на исповедь человека, который видел слишком много.

Исповеди Глеб не любил. От них потом плохо спалось.

Хотя спалось ему и так плохо.

— Короче, — сказал он. — Ты хочешь застрелить задержанного, чтобы его не забрал Банк.

— Да.

Ответ прозвучал сразу. Без оправданий.

— И считаешь, что я сейчас отойду?

— Нет.

— Тогда зачем разговариваешь?

Марат впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что не хочу причинять вам боль.

Глеб тихо выдохнул.

— Спасибо. Очень тронут.

Он выбрал точку на груди Марата и перестал моргать.

— На землю.

Марат опустил руки.

Не резко. Просто руки пошли вниз, будто приказ относился не к нему.

— Марат. Последний раз. Лечь.

— Отойдите, капитан, — сказал Марат. — Я не за вами.

И сделал шаг к двери.

Глеб выстрелил.

В маленьком помещении звук ударил по ушам, как железной крышкой. Лунёв вскрикнул в яме. Марат дёрнулся назад, будто его толкнули в грудь, сделал полшага, поскользнулся на мокром снегу у порога и упал на одно колено.

Глеб держал прицел.

Обычный человек после такого либо лежал, либо орал. Марат не сделал ни того, ни другого.

Он опустил голову. Несколько секунд просто дышал. Тяжело, с хрипом. Потом медленно положил ладонь на грудь. На куртке расплзлось тёмное пятно, но не так быстро, как должно было. Под тканью что-то хрустнуло — не кость, нет, глубже, глуше, будто пуля вошла в жёсткий скрытый слой.

Марат поднял глаза.

В них не было злости.

Только боль. И всё та же проклятая жалость.

— Не надо, — сказал он.

Глеб выстрелил второй раз.

Теперь целил выше и левее, в плечо. Марат развернулся от удара, врезался спиной в железную створку, которая звякнула на весь ряд. Левая рука у него повисла странно, механически неправильно. Пальцы несколько раз сжались и разжались, как будто тело пыталось перегрузить сломанный участок.

Рука больше не поднималась нормально — не висела совсем, а запаздывала, будто приходила к Марату с плохой связью.

Марат застонал.

Тихо. Стыдно даже. Будто не хотел мешать.

А потом снова пошёл.

— Да чтоб тебя, — сказал Глеб.

Он отступил на шаг в помещение.

— Лунёв! Вылезай!

Из ямы донеслось:

— Нет.

— Сейчас я начну считать, и на «два» ты сильно пожалеешь, что дожил до сорока двух. Вылезай!

Лунёв поднялся неловко, цепляясь за край ямы одной рукой. Вторым он всё ещё прижимал к себе контейнер. Его трясло так, что зубы стучали. Глеб схватил его за ворот и выдернул наверх. Лунёв ударился коленом о край, вскрикнул, но Глеб уже тащил его к боковому выходу.

Марат вошёл в шиномонтажку.

Не бросился. Не ускорился. Просто переступил порог, оставляя на бетоне тёмные следы. Левая рука висела, правая была свободна. Оружия Глеб не видел. И от этого было ещё хуже: Марат шёл не как стрелок, а как человек, которому оружие почти не нужно.

— Капитан, — сказал он хрипло. — Не заставляйте меня.

— Поздно, — сказал Глеб.

Он толкнул Лунёва в боковую дверь. Та открылась не сразу — примерзла. Глеб ударил плечом. Боль вспыхнула в ключице, дверь поддалась, и они вывалились в узкий проход между гаражами.

Снаружи снег казался ярче. После выстрелов мир стал глухим, как через вату.

Лунёв поскользнулся и упал на колено. Контейнер ударился о лёд.

— Встать!

— Я не могу...

— Можешь. Просто ещё не понял, насколько.

Глеб поднял его рывком. Внедорожник стоял метрах в двадцати, фары били в ряд гаражей, двигатель ещё работал. Между ними и машиной — грязь, снег, брошенные покрышки и открытый кусок площадки.

За спиной скрипнула дверь.

Марат вышел следом.

Теперь его было видно полностью. Куртка на груди темнела, правая сторона тела двигалась хуже, но он не остановился. Лицо побледнело. По щеке текла кровь — то ли из разбитой губы, то ли от осколка стекла, то ли он прикусил язык, когда получил пулю. На ресницах висели мокрые хлопья снега.

И слёзы.

Глеб увидел их и на секунду сбился.

Не потому что пожалел. Не совсем.

Просто человек с такими глазами не должен был идти убивать.

— Простите, — сказал Марат.

Он сказал это Лунёву.

Лунёв заскулил. Не закричал — именно заскулил, потеряв остатки взрослого голоса.

Глеб выстрелил ещё раз, но Марат уже сместился. Пуля ушла в ворота гаража, выбила ржавую искру. Марат ускорился.

Не быстро, не красиво. Тяжело. Как повреждённая машина, у которой всё равно достаточно массы, чтобы снести ворота.

Глеб толкнул Лунёва в сторону внедорожника.

— В машину!

Лунёв дёрнул заднюю дверь. Не сразу попал пальцами в ручку. Глеб ударил ладонью по стеклу.

— Быстрее!

Лунёв залез внутрь почти падая, вполз на заднее сиденье, прижимая контейнер к животу. Глеб захлопнул дверь и обернулся.

Марат был уже рядом.

Правая рука легла Глебу на грудь.

Не ударила. Легла.

И этого хватило, чтобы Глеб отлетел спиной в крыло внедорожника. Воздух вышибло из лёгких. Пистолет едва не выпал. Рёбра вспыхнули тупой болью. Мир на секунду сузился до мокрого металла за спиной и лица Марата перед собой.

— Отойдите, — сказал Марат.

У него дрожал голос.

Глеб ударил его рукояткой пистолета в лицо.

Раз.

Другой на его месте рухнул бы. Марат только качнулся. Из разбитой брови пошла кровь, смешалась со снегом и слезами. Он моргнул, будто принимая это как должное.

Глеб ударил второй раз — ниже, в шею, туда, где у обычного человека начинался страх за жизнь.

Марат перехватил его запястье.

Пальцы сжались.

Глеб почувствовал, как кости в руке начали расходиться под давлением.

— Твою мать, — выдохнул он.

Он ударил коленом. Попал плохо, вскользь. Старое колено тут же отозвалось болью. Марат даже не отпустил.

Тогда Глеб сделал единственное, что оставалось: сунул ствол почти вплотную под повреждённое плечо Марата и нажал.

Выстрел ударил по слуху окончательно.

Марат вскрикнул.

На этот раз громче.

Пальцы разжались. Левая сторона его тела просела, правая рука ушла вниз. Глеб вырвал запястье, распахнул водительскую дверь и ввалился за руль.

Заднее сиденье зашевелилось.

— Он здесь, — сипел Лунёв. — Он здесь, он здесь...

— Спасибо за навигацию.

Глеб включил передачу. Колёса провернулись в снежной каше. Внедорожник дёрнулся, но не пошёл. Марат стоял перед капотом, чуть сбоку. Тяжело дышал, наклонив голову. В свете фар его лицо было белым, мокрым и каким-то невозможным.

Он поднял правую руку. Не угрожающе. Скорее просительно.

— Капитан...

Глеб нажал на газ.

Машина сорвалась с места не сразу. Сначала завывала, закопалась, плюнула из-под колёс грязной жижей. Потом протектор поймал твёрдое, и внедорожник ударил Марата в бедро и живот.

Удар был не красивый.

Тело не отлетело, как в кино. Оно тяжело легло на капот, ударились плечом о стекло, оставив кровавую дугу, потом скатилось в сторону. Глеб выкрутил руль, задел бампером стопку старых шин, снёс пластиковый ящик с аккумуляторами. Один аккумулятор треснул, по снегу потекла тёмная кислота.

Марат упал под фару.

Глеб не стал смотреть.

Он дал заднюю, потом снова вперёд, выворачивая к воротам кооператива. Внедорожник мотало между гаражами, колёса били по колеям. Сзади Лунёв стонал, повторяя что-то без слов.

Собаки снова залаяли.

Теперь уже бешено.

Глеб проскочил мимо будки охраны. Перекошенная створка ворот ударила по правому борту, скрежетнула, оторвала кусок пластиковой накладки. Внедорожник вылетел на разбитую дорогу у бывшей заправки.

Только там Глеб бросил взгляд в зеркало.

Марат лежал в грязном снегу посреди ворот.

На секунду Глеб решил, что всё.

Потом человек в тёмной куртке пошевелился.

Медленно.

Сначала левая рука. Потом плечи. Потом голова.

Марат поднялся на одно колено.

В свете далёкой лампы его лицо блестело от крови и слёз.

Он смотрел вслед машине не со злостью.

С сожалением.

Так смотрят на тех, кого не успели спасти.

Ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.